

# От Ашхабада до Берлина

Category: Kitapcy, Ýatlamalar

написано kitapcy | 22 января, 2025

От Ашхабада до Берлина OT AШХАБАДА ДО БЕРЛИНА

Я самая старшая из ныне живущих в роду Кербабаяевых – из него вышел основоположник туркменской советской литературы Берды Мурадович Кербабаяев, со старшим сыном которого Баки Бердыевичем связала меня судьба. Я самая старшая из ныне живущих и по семейной линии моих родителей.

Не зная своего будущего и что жизнь моя будет связана с его семьей, мне до замужества довелось видеть Берды Мурадовича Кербабаяева дважды. Первый раз во время зимних студенческих каникул, когда я приехала к родителям в Мары.

Моя школьная подруга Тамара Аванесова училась в Марыйском педагогическом институте. Как-то она прибежала ко мне домой и пригласила на встречу с писателями. К ним в институт приехала писательская бригада, возглавляемая председателем Союза писателей Туркменистана Берды Кербабаяевым. Вместе с ним нас посетили известные поэты из Москвы – Константин Симонов и Евгений Долматовский.

Вечер проходил интересно, студенты были взволнованны – в какие это времена в областной город Туркмении приедут ещё такие именитые гости?!

Симонов и Долматовский читали много стихов. Все, конечно, просили прочитать легендарное «Жди меня». И Симонов удовлетворил желание молодежи. Студенты бурно аплодировали стоя, благодарили за прекрасную встречу.

В конце выступления Берды Мурадович открыл маленький секрет: мол, скоро мы «встретимся» с Симоновым уже не как с поэтом, а как с прозаиком. Он рассказал, что Константин Михайлович пишет роман о войне.

Второй раз я встретила Берды Мурадовича на берегу Куртлинского озера под Ашхабадом. Озеро, словно мираж, привольно растеклось на многие километры среди песков. Чудо да и только! Но не мираж, а воля и дело человеческие.

Пески там холмистые. Ранней весной здесь росли светло-голубые ирисы и маки. Нас было несколько человек. Я с подругами приехала после работы купаться. Купались мы на левой стороне озера – там, где его, словно мать грудью ребёнка, питала рукотворная Кара-Кум-река. Недалеко от нашего пляжа был небольшой холм. Вдруг кто-то воскликнул:

– Смотрите, да это же Берды Кербабаев! Вон там, на холме стоит...

Конечно, мы все повернулись к холму, на котором стоял наш знаменитый писатель. Взор его был устремлён вдаль, где плескалась Аму-Дарьинская вода. Его поэма «Аму-Дарья», роман «Капля воды – крупица золота» посвящены осуществлению многовековой мечты туркмен, в том числе и древнего рода Кербабаевых: увидеть воды Аму-Дарьи на просторной, но обезвоженной земле, которую так любил и воспевал в своих произведениях классик туркменской литературы!

Что таил его задумчивый взор?! Не сокровенную ли беседу с самим собой! Тому, каким я увидела тогда Берды Кербабаева, очень созвучны его строки из поэмы «Весна на земле Туркменской» (1961):

Ещё горело солнце вполнакала,  
И не сходил термометр с ума,  
Я вдаль глядел с высокого холма  
Над жёлтой стремниною канала.

На стыке новых и минувших дней,  
Добры, вольнолюбивы, не угрюмы,  
К покою неприученные думы  
Пришпоривали преданных коней.

А небо было цвета бирюзы  
И падало к земле по воле взора.  
Сливался звук летящей стрекозы  
И авиационного мотора.

И с прозвищем давно минувших лет  
Поодаль Волчья впадина лежала,

Впечатан был в неё не волчий след,  
А рубчатый, двойной от самосвала.

Я был с самим собой наедине,  
К свободным мыслям сердце приобщалось.  
И слышалось и чувствовалось мне,  
Как колесо истории вращалось <...>  
(Перевод с туркменского Я. Козловского).

Да, время – неумолимо. Мне уже почти 80... Дети, внуки и правнуки давно уже просят меня написать воспоминания. Долго не могла решиться. Но, думаю, то, о чём вспомнила, будет интересно не только родным и близким.

Память, как и капля воды, – крупица золота. Её нужно передать следующим поколениям как самое главное богатство, которое успевает скопить во время своей мимолётной земной жизни человек. Память – духовное завещание потомкам. Память – золотая нить, которая связывает жизнь земную и жизнь вечную. В предлагаемом вниманию читателей отрывке из будущей книги – речь идёт о фронтовых страницах биографии моего покойного супруга Баки Бердыевича Кербабая, кандидата биологических наук, директора Центрального Ботанического сада Академии наук Туркменистана.

С 2003 года наша семья жила в Москве. Баки Бердыевич болел. Но желание написать книгу у нас с ним уже было.

Один из друзей семьи записал для радио большое интервью с Баки Бердыевичем, которое так пригодилось для работы над будущей книгой. Старый туркменский солдат, защитник Родины вспоминал в нём и о том, как во время Великой Отечественной освобождал от фашистов Россию, Украину, Польшу, Германию, дошёл до Берлина.

\*\*\*

Когда началась Великая Отечественная, Баки Кербабая учился на третьем курсе агрономического факультета Ашхабадского сельскохозяйственного института. По всему Советскому Союзу объявлена мобилизация. Патриотический порыв защитить свою Родину, который затронул все слои общества, людей разного

возраста, был настолько высок, что на пунктах записи на фронт с первых же дней выстраивались огромные очереди добровольцев. Некоторые юноши и девушки подделывали свои документы: очень уж хотелось им, чтобы их возраст «соответствовал» и, если уж не в действующую армию, то пусть в ополчение запишут.

Мобилизация, мобилизация... Туркмения – далеко от фронта, но и здесь такой же горячий порыв, как по всей стране. Пришли в военкомат и все студенты Ашхабадского сельскохозяйственного института. Наконец очередь дошла до Баки.

– Кербабаев?

– Да!

– Отец сидел?

– Да, но после освобождения он вернулся в Ашхабад, сейчас работает на ответственной должности – председателем Союза писателей Туркмении...

Резкий ответ как внезапный удар в челюсть:

– Мы сыновей врагов народа в армию не берём. Идите, вы свободны...

В военкомат их пришло около 50 человек. Записали всех. Кроме Баки Кербабаева.

\*\*\*

В связи с началом войны курс обучения в институте был сокращён с пяти до трёх с половиной лет. По окончании обучения Баки Кербабаева направили на работу младшим научным сотрудником в земледельческую опытно-экспериментальную станцию в Багире.

Здесь, вблизи Ашхабада, в древности располагалась легендарная Ниса – столица Парфянского царства. Эта плодородная долина у подножия Копет-Дага тогда уже славилась своими виноградниками. Из собранного винограда изготавливали великолепные вина, которые парфяне, отмечая свои праздники и победы, пили из длинных изогнутых ритуальных кубков – ритонов, вырезанных местными умельцами из рогов горных козлов.

Ныне ритоны из Нисы, которые были найдены археологами после войны, в конце 1940-х, хранятся в Ашхабаде в Главном национальном музее и в Москве в Государственном музее

изобразительных искусств имени А.С.Пушкина.

\*\*\*

В воскресенье Баки обычно приезжал в Ашхабад, в дом отца – уже известного в то время поэта, прозаика, драматурга, публициста, переводчика Берды Кербабоева. Баки радовался каждой такой возможности повидать отца, близких, хоть немного отдохнуть. Шёл второй год войны. Баки, как тогда говорили, ударно работал на трудовом фронте – в Багире.

Вести с фронтов, где сражались и земляки Баки, – сообщения по радио, в газетах, фронтовые письма, – были нерадостными. Незаметно пролетело лето, наступила осень – пора сбора урожая, урожая, который и на фронте, и в тылу столь необходим для грядущей Победы.

Однажды, когда Баки в очередной раз приехал домой, он вдруг услышал, как стучат в калитку. Он вышел. Возле их дома остановилась грузовая машина, у калитки – капитан и солдат.

– Баки Кербабоев?

– Да, это я.

– Садитесь в машину.

– Как это, садитесь?

– Мобилизация...

– Нет, не могу: я работаю. Даже если мобилизация, мне нужно сначала уволиться, трудовую книжку взять.

– Ничего не знаем, садитесь в машину, пока силу не применили.

– Одежду какую-нибудь взять?

– Да, идите, собирайтесь, но побыстрее.

У двоюродного брата Рахимкули, который как раз после тяжелого ранения вернулся с фронта, Баки взял шинель – старую, рваную, но что же делать, если другой не было. Хотя времени на сборы были считанные минуты, он нашёл также в доме телогрейку, какую-то шапку, ботинки...

– Всё! – размышлял Баки. – Теперь в дорогу. Вот и он понадобился Родине, ему всё-таки доверили её защищать...

Баки забрался в кузов грузовика, помахал на прощание рукой близким, провожавшим у калитки.

—До свидания дом наш, семья, близкие, друзья! До свидания, отчий край!

Их отвезли на стадион, где был сборный пункт. Продержали здесь целый день. Только под вечер посадили в товарный вагон с трехслойными нарами — помещайся, как знаешь. Баки впервые ехал далеко-далеко от родного очага. Вот жаль только, что с отцом не попрощался. Кербабоев старший, который часто выезжал в командировки по республике, вновь был в отъезде.

Поэтому при мобилизации Баки он не напутствовал его в дорогу — на войну, Родину защищать.

— Свидимся ли с отцом? — с тревогой думал Баки.

\*\*\*

Вот их воинский эшелон, который, то убыстряя, то замедляя ход, остановился в Чарджоу (ныне Туркменабат) — областном центре на востоке Туркмении.

Берды Кербабоев, который в составе правительственной комиссии по заготовке хлопка ездил по хлопкосеющим районам республики, — так уж, видно, было угодно судьбе! — именно в эти дни находился в Чарджоу.

Из дома Берды Мурадовичу сообщили, что Баки взяли в армию, и он едет с воинским эшелоном в Россию на формирование части. Кербабоев старший встретил эшелон вместе со своим другом — видным советским партийным деятелем Шаджа Батыровым, в то время секретарём ЦК КП(б) Туркмении по пропаганде и агитации. Поздоровались, повели Баки в свой вагон, который стоял на запасных путях. Только вошли, стали беседовать — тронулся эшелон Баки.

Отец так напутствовал сына:

— Баки, будь мужественным, постарайся не позорить имя туркмен. Родина дороже жизни...

Он дал ему в дорогу плов, масло, буханку хлеба, пачку «Казбека»... Баки, наскоро прощаясь и благодаря, побежал. Еле догнал эшелон.

Так закончилась мирная жизнь, и началась суровая жизнь солдата.

\*\*\*

Эшелон был в пути месяц. И вот их высадили в Люберцах Московской области. Всех прибывших разместили в пятиэтажном доме, где не было ни окон, ни дверей, только крыша. 6 ноября, накануне праздника, их пропустили через «жарилку», одежду прожарили: вши у всех были не только на бровях, но и на ресницах. Потом они в бане помылись.

Утром 7 ноября, в двадцать пятую годовщину Октябрьской революции, будущих солдат выстроили.

– С праздником, товарищи! – обратился к ним генерал.

По дороге к их эшелону цепляли и цепляли вагоны. Прибывших было очень много. Строй состоял из призывников Средней Азии: туркмен, узбеков, киргизов, таджиков, казахов...

Генерал спрашивает:

– Кто хорошо знает русский язык?

Баки откликнулся первым:

– Я, Кербабоев из Туркмении. Я знаю.

Генерал приказал выйти из строя и подойти к нему:

– Хорошо. Я буду говорить, а вы переводите.

Баки перевёл его выступление – большую часть по-туркменски, добавляя какие-то знакомые слова из узбекского, казахского...

Потом генерал ему говорит:

– Вы будете моим адъютантом. Вы зачислены в парашютно-десантный полк.

Вот письмо домой, которое Баки написал в тот праздничный день: «Шлю свой горячий привет отцу, матери, старшим и младшим братьям и сёстрам и другим родственникам!

Мы 26 октября прибыли в город Люберцы Московской области. Москва – в 20-ти километрах от нас. Отправил вам телеграмму о том, что прибыл сюда. И вот сейчас нахожусь здесь, жив и здоров. Прошли комиссию. Не попал в парашютно-десантную команду. Теперь ждём прохождения остальных комиссий, после чего нас отправят по местам. Сегодня праздник 7-го ноября. Мы от холода сидим в помещениях. Сейчас на улице идёт снег. Здесь очень холодно. Температура: мороз – 10-20 градусов. Не переживайте за меня. Здоровье нормальное, настроение отличное,

жив-здоров. Недостатков не испытываю.

Как вы провели праздник? Дети живы и здоровы?

Я и сейчас не могу дать вам свой адрес. Так как скоро будем переселяться. Как поселимся в определённом месте, напишу.

Всем привет, кто спросит меня. Больше и нечего писать.

Целую всех. Баки.

Гор. Люберцы, Московская область, село Дзержинское, п/я 54 (этот адрес временный и то не полный... и номер части не знаю)».

\*\*\*

Всех, кто не прошёл комиссию, отправили эшелоном в Горький, затем строем в Гороховецкие лагеря. Из них должны были готовить маршевые роты. Поселили в землянке. Сразу же начались занятия – по стрельбе, тактике... Продержали до Нового года. Потом всех знакомых, кто был из их эшелона, на фронт отправили, а Баки оставили.

– Будете готовить маршевые роты.

Баки обучал группы по 60-80 человек. Каждые 10 дней готовые маршевые роты отправляли на фронт. Вот отправили одну, вторую, третью маршевые роты... Перед тем, как отправить очередную маршевую роту, солдатам говорили:

– Вы всё своё гражданское соберите в узел, адрес напишите, а мы отправим домой вашу одежду.

Каждый старается, аккуратно завязывает, адрес пишет. Когда они уезжали, сержанты, старшины, которые готовили маршевые роты, вспарывали узлы ножом, начинали перебирать содержимое: это – пойдёт, а это – не пойдёт...

И вот то, что «пойдёт», они грузили в машину и ехали в Горький. Продав, покупали колбасы, мяса, выпивку... Один-два дня между прибытием новобранцев для подготовки маршевых рот землянки в лагере пустовали. И вот в одной из них начиналась беспробудная пьянка. О пьянках Баки знал, но не участвовал в них. А вот узлы... Когда кто-то спяну сболтнул ему, на какие деньги пьют сержанты и старшины, это Баки возмутило: война, гибнут люди, а тут такое безобразие...

Он отправился к капитану, заместителю командира полка по



политчасти, чтобы рассказать ему, что делают его подчинённые. Встретил его по дороге в штабную землянку:

– Здравия желаю, товарищ капитан! Разрешите обратиться!

– Слушаю. В чём дело?

Баки рассказал ему про мародёрство, обманутых людей, одежду которых не отправили домой, постоянные пьянки в лагере.

Капитан выслушал рассеянно, потом говорит:

– А вам разве не дают ничего?

– А что мне должны дать?

– Я скажу, чтоб вас не обделяли.

– Мне ничего этого не надо.

Знал, оказывается, он обо всём, прекрасно знал, потакал мародёрам.

Невозмутимо посмотрев на Баки, капитан спросил:

– В училище хотите?

– Да.

\*\*\*

В этот же вечер Баки отправили с эшелоном в Суздаль, где находилось Винницкое военно-пехотное училище.

25 апреля 1943 года он писал домой в Ашхабад:

«Шлю свой горячий привет!

Я здесь жив и здоров, учусь. Вчера завершили первую часть обучения. Все зачёты сдал с оценками «отлично» и «хорошо». Ещё осталась вторая часть учёбы. Наверное, учёбу завершим в августе месяце.

Сегодня перешли на летнюю форму одежды. Выдали новые мундиры. Погода потеплела, деревья начали почковаться, но часто погода дождливая бывает.

Отец! Если есть возможность, отправьте мне небольшую посылку. Так как во время учёбы в классе приходится записывать даваемые уроки, а тетрадей нет. И ещё 5-6 штук носовых платков, воротнички, пару пачек сигарет. Если посылку не примут, то отправьте небольшую сумму денег. Здесь вещи дорогие, но найти можно. Больше никаких недостатков не испытываю. Жив и здоров.

<...> Каждое воскресенье нам дают день отдыха. Сегодня прошли

трёхчасовую строевую подготовку в рамках подготовки к празднику 1-го мая. Теперь до вечера свободен.

Как дети, все живы и здоровы? Кто из них учится хорошо? Детям напишу. А пока до свидания.

Мой адрес пишите так: Ивановская область, г. Суздаль, ВВПУ (часть), подразделение 116/е.

Пока. До скорой встречи. Передайте привет всем. Целую всех. Ваш Баки».

Среди военных писем Баки домой сохранилось и такое письмо от 10 июня 1943 года:

«Привет из города Суздаля!

Я здесь жив и здоров. Вчера 9.06 получил вашу телеграмму с текстом о том, что отправили мне посылку. Также получил квитанцию о переводе денежных средств. Завтра или послезавтра, наверное, получу эти деньги.

Подписался на 600 руб. в первый оборонный заем, всего из нашего взвода 30 человек подписались на 18.000 руб.

Учёба идёт хорошо. Погода здесь не жаркая, каждые 3-4 дня идут дожди, так что можно учиться с вдохновением.

С начала июня нас стали кормить ещё лучше. Каждый день дают по 30 гр. сливочного масла, 50гр. сахара, недостатков не испытываю.

Как вы живёте? Как дети проводят каникулы? Все живы-здоровы?

Больше и нечего писать. Всем знакомым привет от меня.

Пока. Целую всех. Ваш Баки.

Суздаль часть 111 ж/др. и/в.

Папа! Только что поступила квитанция Вашей посылки. Завтра получу. Будьте здоровы. Баки».

И вот выпускников училища отправляют на фронт. А Баки снова нет в списке. Он спрашивает:

– В чём дело?

– Узнайте у командира.

Смотрит, как раз идёт полковник, начальник училища.

Баки браво вытянулся, отдал честь:

- Товарищ полковник, разрешите обратиться!
- Слушаю вас.
- Почему-то меня в списке нет?!
- Мы оставляем вас в училище, будете готовить курсантов.
- Я хочу со своими товарищами на фронт.
- Вы нужны нам здесь, но... Раз вы сами рвётесь в бой – отправим, сегодня же отправим.

\*\*\*

23 августа 1943 года советские войска разгромили гитлеровцев на Курской Дуге. Но потери наши были немалыми. Командование, поддерживая контрнаступление, подтягивало новые и новые резервы.

Вот в это время и попал на фронт, на 1-й Украинский фронт Баки Кербабаев. Его направили служить в 6-ю роту 272-го Гвардейского миномётного полка 3-ей танковой армии маршала Рыбалко. В их полку были тяжёлые 120-ти мм миномёты.

Тактика была такой. Ночью полк выдвигался на огневую позицию. На следующий день или через день в 6 часов утра артподготовка. Каждый ствол должен выпустить огромное количество снарядов, чтобы на каждый квадратный метр противника упал снаряд. Это километров 5-6 длиной и в глубину, наверное, километров 5-6. Иногда даже стволы накалялись докрасна после такой артподготовки. Солдаты думали, что там, у немцев, и живых-то не остаётся. А когда уже наступали, то видели – живые там всё-таки остаются и фанатично сопротивляются.

\*\*\*

В сентябре 1943-го им предстояло форсировать Днепр.

– Быстрее, быстрее! – звучали команды.

– Но как? – думал, как и его товарищи, Баки.

Проявляй смекалку, солдат: плавсредств-то никаких. Бойцы и сами находили лодки, и партизаны доставляли лодки, плоты. В общем, кто что найдёт.

Переправлялись с правого на левый, всхолмлённый берег под непрерывной бомбёжкой и стрельбой. В каждую лодку при норме 10

человек по 30 садилось. Лодки еле плывут, от воды отделяет тонкая кромка, примерно в два пальца. Некоторые лодки тонут. Много погибших. Среди форсировавших Днепр был и Баки.

Фашисты стреляли и стреляли с крутого берега из автоматов. Но наши бойцы наступали, и всё же заняли село Григоровку, что недалеко от города Канева. В домах убитые немцы. Село пустовало. Жителей фашисты, видимо, всех расстреляли.

28 сентября 1943 года Баки писал домой:

«Шлю свой горячий привет всем. Я жив и здоров. С 20-го числа месяца расположились около реки Днепр. Немцы находятся на нижней (западной) части реки. Потихоньку наши войска переходят реку, уже заняли три селения на том берегу. Я тоже был три дня на западном берегу реки. Реку переходить очень трудно, всего 5-6 лодок в наличии. Я в составе миномётного полка. Сейчас идут перестрелки с обеих сторон реки.

Я жив-здоров. Недостатков не испытываю. Не ругайте меня за то, что не пишу письма, так как времени даже нет на это. Когда будет свободное время – напишу.

Привет от меня всем.

Мой адрес: полевая почта 77644, литер "Л"».

\*\*\*

В селе Григоровка Баки первый раз увидел фашиста. Открывает дверь в один из домов – выстрел. Трассирующий. Пуля чуть не попала в Баки. Заходит он в дом – видит раненый немец лежит с винтовкой. Видимо, ему её дал кто-то из отступающих фашистов, чтобы он мог ещё одного врага убить. Устроено всё было так – только нажать осталось. Вот он и нажал.

Баки подходит к нему.

– Фриц, скажи: «Гитлер капут»!

– Сталин капут!

Лежит раненый и видит, что на него пистолет направлен, но всё равно говорит:

– Сталин капут!

Баки ему:

– Сюда (и показывает на висок).

А он отрицательно кивает головой, показывает рукой на сердце.

Баки в последний раз ему:

– Гитлер капут!

Тот:

– Сталин капут!

Баки выстрелил ему в сердце.

\*\*\*

Наши части закрепились на левом берегу, а вот походную кухню отправить через Днепр не получается – топят немцы. Они, наверное, неделю голодали.

Однажды кто-то сказал:

– Братцы! Вон там, на холме сверху, – картошка...

Ночью пошли с вещмешком и сапёрной лопатой – накопали. Принесли картошку, а воды-то нет. Вызывались команды по три добровольца на Днепр идти за водой – двое возвращались, одного убьют. В общем, набрали воды, сварили картошку немытую, без соли. На двоих ведро. А воду после варки товарищи просили себе:

– Не выливайте, мы тоже сварим...

Уже в мирное время Баки Кербабоев рассказывал близким:

– Это самое трудное время было в войну.

– Но ведь выжили?!

– Да, выжили, но вот картошки, – улыбался Баки Бердыевич, – я на всю жизнь наелся.

И после некоторой паузы добавлял:

– Такая непростая ситуация, как на Днепре, у нас случилась единожды, а в дальнейшем всё время снабжение армии было очень хорошее. Кормили обязательно два раза в день – хорошо, сытно.

\*\*\*

Днепр форсировали – их корпусу дали почётное звание «Киевского»: 6-й Гвардейский Киевский танковый корпус 3-ей армии.

Однажды, когда их корпус обошёл Киев и двигался в сторону города Фастова, последовала команда:

– Все орудия в лес.

С востока огромная пыль, шум. Минут через 30 – 8 немецких танков вдоль леса на запад идут. 7 танков прошли. Экипаж восьмого увидел, видимо, машину полка, в котором служил Баки. Выстрелил, сжёг её. Но немцы испугались, что их танк один остаётся – дали дёру.

А с востока – пылища ещё больше.

Командир полка говорит:

– Не шевелиться, не двигаться! По команде «В атаку!» – ура, вперёд!

Смотрят бойцы: идут лошади, тащат что-то. Впереди – тяжёлая артиллерия: специальные пушки для разрушения городов. Причём каждую пушку тащат шесть лошадей орловской породы, шею не обхватишь. За пушками – обоз. Около ста повозок. И везде немцы сидят с ружьями, автоматами.

Командир полка командует:

– В атаку! Ура!

И все:

– Ура!

Немцы были ошарашены. Полк разбил их полностью. Командиру за этот бой дали Героя Советского Союза.

\*\*\*

Фастов 3-я Гвардейская танковая армия брала три дня – пока пехота не подспела. Пехота этой армии – 22-я моторизованная бригада – всегда должна была быть впереди. Но, когда брали город, пехота отстала где-то.

В Фастове стрельба то с запада, то с востока, то с юга... Ох, как не просто было Баки и его товарищам поворачивать свои тяжёлые миномёты, подносить снаряды, каждый из которых весил 50 килограммов.

После Фастова были Бердичев, Казатин...

17 января 1944 года Баки пишет домой:

«Здравствуйте, родные!

Шлю свой горячий привет из гор. Бердичева. Вчера получил ваше письмо от 6.12.43 г. Очень рад узнать, что все живы и здоровы.

Папа! С 10.1. мы ушли с передовой на некоторое время для отдыха. Через два дня расположились в одном селе вблизи города Бердичева.

Я жив и здоров, живу хорошо, всего хватает.

Папа! Опишу Вам эпизод, из которого вы узнаете о ходе войны.

24 декабря мы начали общее наступление. Гитлеровские сволочи бегут, оставляя за собой многочисленную технику, убитых и раненых солдат. Гнали врага, не давая ему покоя нигде. Отодвинули их, по меньшей мере, на 120-150 км на запад. Сейчас враг пытается крепко удерживать каждое селение. Например, селение Бураки они атаковали 5 раз, с 30-40 танками. Но они не смогли сломить сопротивление наших войск. И все пять раз они убегали назад, неся большие потери, после чего немцы начали наступление с 60 самолётами. И в этот раз они не смогли добиться успеха и вечером удрали из села. В этом сражении наша батарея нанесла крупные потери врагу. Уничтожили, по меньшей мере, 250-300 немецких сволочей. После этого сражения 15 человек из нашей батареи представили к награде орденами. Среди этих 15-ти и я. Это моя третья награда. Орден «Красной звезды» получил 11 декабря. Уже вышел приказ о награждении медалью «За отвагу» – получу его, как привезут медали. Так что, после небольшой передышки опять пойдём бить гитлеровских ублюдков. С новыми силами будем бить их ещё крепче.

<...> Итак, наш славный путь продлился из Сумской области, с форсированием Днепра, взятием Киева, городов Фастова, Бердичева, Житомира – до Винницкой области. После передышки нам предстоит ещё большой славный путь от Винницы до Берлина. Эти строки просили написать Вам мои друзья.

Да! Ещё Вы спрашиваете, вступил ли я в ряды партии, меня приняли в кандидаты <...>».

\*\*\*

В районе Казатина миномётчикам пришлось первый раз отступить.

Командир дивизиона говорит:

– Отбой на колёсах!

Это значит: сматывайся быстро.

Только они прицепили орудия к машине – приезжает в дрезину пьяный начальник штаба. После нецензурной брани последовала его команда:

– Занять оборону!

Миномётчики укрылись за сараем. Баки говорит своим:

– Выройте быстро траншею, а я – на разведку.

Он нашёл укромное место у дороги, стал наблюдать. Вдруг в дымке вечера Баки увидел три танка. Они остановились прямо перед ним. Он выскочил на дорогу, кулаком по среднему танку стучит.

– Сволочи! Немцы наступают, а вы отступаете...

Из заднего танка – ракетница. Баки на мгновение окаменел. Только сейчас увидел, что стучал по танку с крестом. Он сразу опрокинулся в кювет, затих как убитый. Потом, когда опасность вроде бы миновала, Баки пополз туда, где оставил своих за сараем, но там никого уже нет. Баки снова назад, к дороге. И тут никого нет. Немецкие танки ушли, теперь они стреляли где-то далеко отсюда. Баки увидел, что рядом с ним кто-то лежит. Это был наш офицер из какой-то соседней части. Он сказал:

– Нужно пробираться к своим. Поднимайтесь, побежали.

Они побежали. Раз 5-6 падали. Бежали и вновь падали... И вдруг офицер не встаёт. Баки увидел, что он убит.

Баки один выбежал на шоссе. «Катюша» идёт. Он догнал её, ухватился, но услышал окрик солдата:

– Немедленно отойдите, а то стрелять буду! Без разговоров.

Он подчинился. Следовал за «Катюшей» на расстоянии. Ночью он прилёг передохнуть. Утром открывает глаза, смотрит – наша походная кухня.

\*\*\*

С особым волнением Баки Кербабоев вспоминал несколько последних дней войны, когда их полк участвовал в штурме Берлина. У него есть медаль «За взятие Берлина».

24 апреля 1945 года после артподготовки они двинулись в направлении Берлина по автостраде Бреславль – Берлин. Автострада очень широкая: в шесть рядов танки шли. В Берлин



они зашли с западной стороны и на восток прошли по городу. Бои в Берлине были особенные. Наши танки там фаустпатронами жгли. И кто жёг – оголтелый молодняк, который призвали в армию в самом конце войны. С таких пленных парней бойцы из полка Баки снимали ремни, потом по заднице ремнём раза два их огревали и отпускали. Ничего не делали с ними.

\*\*\*

29 апреля под вечер Баки ранило, он попал под миномётный обстрел. Первое, что он почувствовал: его лицо заливается кровью. Ощупал лицо – там маленький осколочек, вытянул его – кровотечение прекратилось. Баки хотел встать, но обе ноги, как оказалось, были ранены. Особенно сильные боли были в левой ноге, мучившие его затем на протяжении нескольких месяцев. Баки заполз в какую-то землянку. Там же очутились два солдата. Он попросил их перевязать его. У них был один пакет и у Баки один. В общем, перевязали они ему ноги. Потом говорят:

– Извините, мы должны идти.

Баки остался один в землянке. Думает, что же делать?! Вдруг слышит голос лейтенанта пятой батареи, который искал разрыв связи.

Баки позвал на помощь:

– Помогите, здесь я, Кербабаев, из шестой батареи, ранен.

Лейтенант заглянул в землянку:

– Вы сильно ранены? Идти не можете? Потерпите немного: сейчас найдём обрыв связи, соединимся и сообщим вашим.

Через минут двадцать-тридцать пришли санитары с носилками. Они перенесли Баки на огневую позицию – туда, где батареи стояли. Утром на машине его отвезли в полевой госпиталь. Товарищи навещали его, спрашивали, чем помочь.

\*\*\*

Всех раненых из полевого госпиталя вскоре отправили специальным эшелоном на Родину.

Однажды на какой-то станции в вагон, где находился Баки, забежала медсестра.

– Товарищи! Война кончилась. Поздравляю!

Но раненые не поверили этой девушке со срывающимся от волнения голосом и слезами на глазах. Стрельбу за окнами вагона по случаю Победы они приняли за оборону от вновь напавших врагов. В мыслях все раненые уже видели себя дома. И вдруг – снова стрельба... Им было страшно, они нервничали: ведь в вагоне находились только лежащие раненые, прикованные к постели.

\*\*\*

Конечная остановка – Львов.

В госпитале к постели Баки подошла медсестра.

– Куда и кому телеграмму отправлять?

– Запишите адрес и текст: «Ашхабад, Кербабаеву. Легко ранен обе ноги».

И добавил:

– Только напишите обязательно номер госпиталя.

Медсестра возразила:

– Не надо писать номер госпиталя, потому что он внизу, в телеграмме, будет.

Баки настаивал:

– Нет, обязательно надо писать.

\*\*\*

А боли в левой ноге тревожили Баки постоянно. Однажды при обходе палат он попросил профессора:

– Ампутируйте мне ногу: сильнейшие боли, не могу больше терпеть, измучился.

Но хирург только улыбнулся.

– Успокойтесь и потерпите ещё немного: вы же солдат! Прошло то время, когда для спасения человека мы ампутировали конечности. Теперь мы будем вас лечить и поставим на ноги.

Когда Баки лежал на операционном столе, ему сделали укол в ногу, но от боли он стонал. Тогда ему ещё сделали уколы какие-то. Через полчаса или час Баки всё равно не мог вытерпеть боли, крикнул.

– Профессор! Я не могу больше терпеть.

Видимо, был поражён и нерв на берцовой кости.

Профессор вновь успокаивает:

– Потерпите ещё минуту, и всё закончим.

Сколько же длилась эта «минута»! Но Баки вытерпел.

Во время операции он всё время сестру держал за большой палец.

А уж под конец она крикнула:

– Вы мне палец совсем поломали.

Операция прошла успешно.

\*\*\*

Родные в Ашхабаде получили телеграмму Баки, из которой узнали, что он в госпитале. Берды Мурадович Кербабоев был в это время Москве. Ему сообщили, и он прилетел во Львов. Искал Баки сутки по разным госпиталям: номер его госпиталя медсестра так и не написала. Кербабоев старший даже подумал, что и с названием города на телеграфе напутали: может, не Львов, а Льгов... Начал звонить туда. В общем, на утро нашёл всё-таки нужный госпиталь во Львове.

Когда Берды Мурадович вошёл в палату, сын не поверил своим глазам: принял это за наваждение. Но вот Баки увидел стекающие по щекам гостя слёзы. И он окончательно поверил в чудо: да, перед ним был отец...

– Здравствуй, папа! Не плачь! Ты же видишь: целый, здоровый. Ранение... лёгкое.

Вдруг отец увидел у сына бутылки с водкой. Брови его нахмурились, на шее запульсировал нерв.

– А это что?! Пьёшь...

Баки, смуглый Баки покраснел. Он понял состояние отца.

– Папа! Из-за сильных болей профессор разрешил мне такой метод ухода от проблем: частое употребление морфия, мол, приводит к привыканию, делает человека морфинистом. А водка... я её по чуть-чуть. Мне уже операцию сделали, сказали, что обязательно поставят меня на ноги.

– Деньги-то на водку откуда?

– Когда меня доставили после ранения в полевой госпиталь в Германии, однополчане дали мне часов штук пять-шесть. Говорят,

пригодятся. Они игодились теперь. Часы мне меняют или продают, а на эти деньги покупают водку.

Он серьёзно посмотрел на отца.

— Папа, даю слово, что никогда не опозорю тебя, став пьяницей или наркоманом.

И слово своё Баки сдержал. Спустя годы, как и многие фронтовики, и он поднимал рюмку со всеми за праздничным столом. Но никогда не переусердствовал. У Баки Бердыевича была норма, после чего он переходил к чаю.

Отец и сын всегда были очень близки между собой. Очень любили друг друга. Выносить свои чувства на показ было не свойственно мужчинам их рода. Но теперь, после долгой разлуки, отец и сын тепло попрощались.

\*\*\*

На следующий день после приезда отца Баки навестила в госпитале украинская поэтесса, публицист Агата Турчинская. В 1942 году она приехала в Ашхабад в эвакуацию с группой писателей из Москвы, Ленинграда, городов Украины... Агата Турчинская с благодарностью вспоминала внимание и заботу, которыми тогда, в войну, окружил их, литераторов из разных республик Советского Союза, председатель Союза писателей Туркмении Берды Мурадович Кербабоев. В её большой, подвальной статье, которая была опубликована вскоре в одной из львовских газет, она рассказала, что в госпитале здесь лежит после ранения активный участник освобождения Львова, сын известного туркменского писателя Берды Кербабоева.

Баки даже и не помнил, как они брали Львов. Их армия танковая, поэтому она в города редко заходила, применяла обходной маневр. Окружали какой-то город, а потом уже брали его. Вот таким образом они и Львов брали.

Баки очень обрадовался, когда появилась статья Агаты Турчинской. Так она поддержала его в госпитале.

\*\*\*

Через 10-12 дней после первой операции Баки снова положили на

операционный стол, сняли швы. Профессор, а он был в звании полковника, скомандовал:

– Вокруг стола три круга, шагом марш!

А Баки не только три круга, шагать ещё не мог: левая нога у него была на 14 сантиметров короче правой. Но с огромным трудом Баки всё же прошагал один круг вокруг стола.

После этого профессор осмотрел ногу и сказал:

– Это – одна из лучших моих операций. Через шесть месяцев вы будете ходить не только без костылей, но и без клюшки.

Так и случилось. Через полгода Баки действительно уже ходил нормально

\* \* \*

● Зинаида Александровна Кербабаяева (Дзаганя) – родилась 5 сентября 1935 г. в Сухуми. Окончила Туркменский государственный сельскохозяйственный институт имени М.И. Калинина. Работала в институте ботаники Академии Наук Туркменистана, преподавала на биологическом факультете Туркменского государственного университета имени Махтумкули. Доктор биологических наук.  
Живёт в Москве. Ýatlamalar